

ОГЛАВЛЕНИЕ

[ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЭХО]	7
Камень, ножницы, бумага	7
Высота 1.5	39
Боевой приказ № 9	49
Аппендицит.	131
[ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ГУЛ]	176
Особенности русской рыбалки.	176
Добровольцы	182
Позывной.	189
Мародёры	204
Своя земля.	210
Лепесток	212
Марина.	215
Птицы летят на Запад.	217
Там, за Туманами.	232
«Трёхсотый»	244
Гром.	253
Змей Горыныч	256
Донецкий ухогрыз	265
Промка	272
Командир всегда прав	279
Крыса	285

О любви	298
Тут не хитро	305
Вулкан и Вед	314
Спокойная смена.	323
День Победы.	332

*Посвящается бойцам
мотострелкового полка 1487*

[ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЭХО]

КАМЕНЬ, НОЖНИЦЫ, БУМАГА

Февраль 2019

Вдверь постучали, даже не постучали — поскреблись, тихо и невесомо.

— Войдите, — произнёс Родионов, не отрывая взгляда от монитора и продолжая что-то сосредоточенно выстукивать на клавиатуре; как будто этот звук убаюкивал и погружал в особый чиновничий транс.

Вошла старушка с румяным от мороза лицом, робкая по первым жестам, но со взглядом добрым и озорным. Сама невысокая, подтянутая, из тех педантичных бабушек, что аккуратны в каждой детали скромного гардероба.

— Здравствуйте! Можно к вам?..

— Присаживайтесь. — Родионов указал на стул для посетителей. Головы так и не повернул, продолжая печатать что-то важное, судьбоносное.

Кабинет чиновника — особое пространство, сакральное для обычного человека. Здесь не бывает зевак и посторонних, каждый пришёл по своему маленькому важному делу, а положе-

ние просящего рождает невысказанную вслух униженность и виноватость: заранее, впрок, просто так.

— Чем могу? — Родионов наконец обернулся к посетительнице.

— Я ищу своего отца.

— Простите?

— Я ищу своего отца, Дмитриева Николая Васильевича.

— Извините, но вы не совсем по адресу. Это сектор социальной поддержки, я — его начальник, Родионов Кирилл Сергеевич. А поиском пропавших людей у нас занимаются органы правопорядка.

— Нет, нет, всё правильно. Я сейчас объясню. Мой отец погиб на войне 27 января 1944 года...

— Представьтесь, пожалуйста.

— Что?..

— Как я могу к вам обращаться?

— А... Дмитриева Лилия Николаевна, блокадница. Я всё-таки по адресу? — старушка победно улыбнулась.

— Теперь по адресу, — Родионов улыбнулся в ответ. — Расскажите всё с самого начала.

— Понимаете, мой отец погиб при обороне Ленинграда в 44-м году. Мать умерла еще раньше, в блокаду. Сама я ребёнком попала в детдом. В сентябре 42-го года меня с группой детей эвакуировали в Томскую область. Долго мы туда добирались, целый месяц... Да, всякое было. Дадут в дороге кусок сушёной картошки, а жевать — невозможно. Так и сосе́шь

его, как леденец. Детей много было в поезде, какие маленькие, ни имён, ни фамилий своих не знают, им потом уже в Томске воспитатели имена придумывали. Бывало, ещё кашу пшённую давали, но это редко, и на всех не хватало, и мы играли в камень, ножницы, бумага, — кто победит, тому каша, а проигравший — сухарь сосёт...

— Вы говорили, что ищете отца?

— Ах да... Так вот...

Родионов работал начальником сектора пятый год и чувствовал интуитивно, когда воспоминания захлёстывают пожилого человека, память делает бесценными картинку прожитого и идёт вспять. Если упустить момент — человек поплывёт на волнах событий, будет вспоминать всё новые детали и подробности, расскажет о своей жизни, о трагедиях и взлётах, победах и поражениях. Расскажет просто потому, что больше некому об этом рассказать.

— Отец погиб, но нам, детям, никто ничего не говорил. А я всё ждала. Идёт урок, а я сижу и думаю: вот сейчас откроется дверь, и войдёт мой фронтовик-отец, грудь в медалях... Почему-то прихрамывает. Не знаю почему, но мне казалось, что он должен прихрамывать после ранения. Войдёт, значит, и начнёт меня глазами искать. А детский дом у нас был в старинном здании, имение чьё-то бывшее... И в классе колонна стояла, а я, значит, как раз за этой колонной сидела. И он меня не видит, и я его не вижу. Вот он уже собирается уходить, но спрашивает на всякий случай: нет ли здесь Лили Дмитри-

евой? А я голос его услышу и закричу на весь класс: «Папа, папа!..» Такие вот наивные мечты у меня были. Уже война давно кончилась, а я ещё долго вздрагивала, когда кто-то в класс заходил, и голову тянула, чтобы выглянуть за колонну. Учительница злая у нас была, была указкой по рукам. И говорит постоянно на весь класс: «Наша Лиля опять в жирафа играет». Так это мне обидно слышать было...

— Так я-то чем могу вам помочь?

— Я к этому и веду, молодой человек, а вы меня перебиваете... Уже когда выросла, стала взрослой, я в Грузию поехала устраиваться на работу. В Ленинград меня не пустили. Говорили тогда: «Деревенская вошь, куда ползёшь?» А в Грузию поехала, потому что там тепло. Тёплых вещей-то у меня после детдома не было. Приехала на вокзал под вечер, а куда идти — не знаю. Так и заночевала на лавочке. Июнь месяц был. Помог один добрый человек, устроил меня официанткой в санаторий в Цхалтубо. Там я и познакомилась со своим ангелом-хранителем, Николаем Васильевичем Киселёвым. Он был первым секретарем обкома в Ростове-на-Дону, отдыхал в санатории вместе с супругой. Он помог мне получить направление в Ростовское техническое училище, помог с общежитием, опекал меня. По гроб жизни благодарна ему и супруге его, Александре Григорьевне. Он же потом и похлопотал о моем возвращении в Ленинград. Написал запрос в Смольный, просил разобраться в ситуации, помочь. А уже в Ленинграде я твердо решила узнать о судьбе отца

и обратилась в городской военкомат, где мне и дали вот такую бумагу.

Лилия Николаевна протянула жёлтый, выцветший от времени прямоугольный клочок, на котором канцелярскими фразами было отпечатано:

«Военному комиссару Пушкинского района. Направляю на ваше рассмотрение письмо гр-ки ДМИТРИЕВОЙ Л. Н., в котором она просит сообщить о судьбе её отца ДМИТРИЕВА Николая Васильевича, 1911 года рождения, призванного в Советскую армию Пушкинским РВК гор. Ленинграда.

Прошу произвести розыск гр-на ДМИТРИЕВА Н. В. установленным порядком и о результатах сообщить его дочери.

Гр-ке ДМИТРИЕВОЙ Л. Н. сообщаю, что Ленинградский горвоенкомат никаких сведений о разыскиваемом не имеет.

Приложение: письмо ДМИТРИЕВОЙ Л. Н.»

— И это всё?

— Нет, не всё. Поехала я, значит, в Пушкинский военкомат. Вышла на привокзальную площадь — и сердце защемило. Пятнадцать лет я в Пушкине не была. До войны мы жили недалеко от вокзала на Октябрьском бульваре. Никаких детских площадок в то время не было, игрушки-то с трудом помню, так папа специально для меня смастерил во дворе качели, я на них каждый день качалась. Представляете, выхожу я на вокзале и сразу вспоминаю те самые качели; папа стоит перед ними, в коленки мои упирается и раскачивает, туда, обратно... Лицо

его улыбающееся... То приближается ко мне, то отдаляется... И так потянуло меня к родному дому, аж сил нет. Дошла я до бульвара, а двор не помню, и дома не помню, хоть ты тресни. Мне же пять лет было, когда война началась, из Пушкина мы перебравшись в город в конце августа 41-го, немец тогда уже вплотную подошёл... Ходила я, ходила по дворам, но так и не нашла те качели.

А в райвоенкомате мне дали уже вот такую бумагу.

Женщина положила на стол ещё один листок. На старом бланке было написано от руки:

«Карточка № 8 КБФ. Копия.

1. *Фамилия* Дмитриев. 2. *Имя* Николай. 3. *Отчество* Васильевич. 4. *Военное звание* сержант. 5. *Наименование части* 309 прож. б-н 2 полк ДПВО. 6. *Занимаемая должность* шофер. 7. *Уроженец* Татар. АССР. Лапшевский р-н, с. Чирты. 8. *Год рожд.* 1911. 9. *Партийность* ВКП/б. 10. *Национ.* русский. 11. *Соц. положение* служащий. 12. *Кем призван* Пушкинским РВК. 13. *Время и причины выбытия* Умер от отравления. 14. *Где похоронен* — 15. *Адрес родственников* — . Вх. № донесения 506с-44. 23.03.1944 г.»

— Это всё?

— Нет, ещё вот что есть.

Другая страница была свежей, недавно сделанной ксерокопией Книги Памяти, 1997 года издания. В длинном столбике погибших бойцов карандашом была обведена фамилия Дмитриева Николая Васильевича, 1911 г. р. Всего одна строчка: сержант, умер от ран 27.01.1944.

Женщина вопросительно посмотрела на Родионова:

— Теперь вы понимаете?

— Не совсем...

— Мне восемьдесят два года, жизнь прожита, а я так и не знаю, где похоронен мой отец.

И только тут Родионов обратил внимание, что в графе на месте захоронения стоит прочерк. Дело тут же стало понятным и безнадежным. Ежегодно в сектор присылали десятки обращений о поиске родственников, погибших в годы войны. В большинстве случаев никакого результата такие поиски не давали. В неразберихе тех страшных лет канули в безвестность люди, судьбы, деревни и целые посёлки. А уж если в справках значилось, что человек пропал без вести или оставлен на поле боя, то Родионов шаблонно отвечал: сведения отсутствуют.

— Лилия Николаевна, вы же понимаете, что надежды практически нет? Все необходимые запросы мы, конечно, сделаем, но я вам по опыту говорю: вероятность, что отыщется место его захоронения? очень мала.

— Мне немного осталось. Маюсь, маюсь на белом свете... Иногда проснусь среди ночи, и уже не уснуть до утра. Маму вспоминаю, отца... Тяжело в детском доме было. Да и вся жизнь была непростая, разбитая. Собрать бы её в одно целое, а там и помирать не жалко.

— Хорошо. Пишите обращение на имя главы, я его зарегистрирую, сделаем запросы, пришлём вам официальный ответ. — Родионов протянул женщине чистый лист бумаги и ручку.